

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

МАХТУМКУЛИ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Издательство ЦК КП Узбекистана

Т а ш к е н т — 1977

С (Туркм)
М 36

Составитель

лауреат Международной премии Фирдоуси
Шаислам Шамухамедов

Редактор

Борис Пармузин

*В эту книгу вошли избранные лирические
стихи туркменского поэта-классика XVIII века
Махтумкули (Фраги).*

Махтумкули.

Избранная лирика. (Сост. Ш. Шамухамедов.
Ред. Б. Пармузин). Т., Изд-во ЦК КП Узбеки-
стана, 1977.

80 с., рисунки.

С(Туркм)

М 70403—2
М-357(06)—76

© Издательство ЦК КП Узбекистана, 1977.

НЕСОКРУШИМОЕ

Знай: то, что в главном создал я, то вечно, как
луна,
Навек вольная моя туркменская страна.

Покой забудем, если враг к нам стукнет в ворота,
Туркменов крепость — это, знай, из стали
крепость та.

Сам Сулейман, Рустем, Джемшид грозили ей мечом,
Сто тысяч шах слал каждый день бойцов —
все нипочем.

Она пример горам, когда подымет воин щит,
И каждый взмах ее меча ей удальцов родит.

Теке, йомуд, языр, гоклен с ахалом встанут в ряд,
Пойдет в поход — в садах цветы восторженно горят.

Иранцев сбросили с хребтов на дно скалистых ям,
И день и ночь их жалкий стон оттуда слышен нам.

Не страшен враг нам, пусть стоит у самых наших
стен,
Нас в плен не взять — туркмена сын не знает слова
«плен».

Когда бы гости ни пришли, всегда готов им той,
Туркмена речь всегда пряма, нет лжи в ней
никакой.

Так говорит Махтумкули — нет на душе пятна,
Бог на него направил взор — цветет его страна!

НЕ ЖДУТ

От непривыкших поощрять
Ни чести, ни наград не ждут.
Благоразумный, слов не трать,
Когда от них услад не ждут.

Кто черств, и память в том черства.
Сухим ветвям чужда листва.
Средь глупых мудрым нет родства:
Их там ни мир, ни лад не ждут.

Усердые лечит от нужды.
Цветеньем роз живут сады.
Тебя хвалы чужой орды,
Служи хоть век подряд, не ждут.

В тылу шумлив, кто в битве вял;
Милей, чем всем, ему привал;
Мечом сверкает самохвал,
Когда ничьих засад не ждут.

Трус может жить, как скот, в грязи.
Когда не видно льва вблизи,
Шакал с лисой кричат «грызи»!
Того, что им повадней, ждут.

С придурковатым вздор мели.
С джигитом пыл его дел.
Строк не слагай, Махтумкули,
Когда их с мыслью задней ждут.

НУЖНА

Изворотливость мыслей,— чтоб конь был сыт,
Чтоб ни в чем не знать недостатка,— нужна.
Если брат твой от двух неверных сбежит,
Чтоб его огреть, рукоятка нужна.

Малодушному подвиг не по плечу.
Надо в зоркости не уступать сычу.
Грудь, способная быть преградой мечу,
Чтоб держаться в седле не шатко, нужна.

У тигрицы учись совершать прыжок.
У лисицы учись метаться вбок.
Чтоб скакун не ленился, нужен ездук;
Чтоб работало стремя, пятка нужна.

На хорошем коне ускачешь от бед,
А вернешься — отыщешь вражеский след.
Удальцу за спиной вереница лет
Только в два или три десятка нужна.

Если волки в степи напали на скот,
Трус не станет пред ним открывать ворот,
Нам в товарище нужен верный оплот,
Как при скачке с орлом перчатка нужна.

Свой клинок, как кабаный клык, оголи,
Мстя врагам за собрата, Махтумкули!
Чтоб сменились их копыта на костыли,
В битве чести медвежья хватка нужна.

НЕ ЗНАЮ

Вдаль сердцем рвусь — решимости в избытке,
Но крыльев нет, и как взлечу — не знаю.
Могу прочесть все книги я, все свитки,
Но много ль знаний получу — не знаю.

Мудрец не скажет: все мне в мире ясно,
Мы многое познать еще не властны.
Напиток знания терпкий и прекрасный...
Тянусь рукой... Как рот смочу, — не знаю.

Я — взаперти, кто скажет, что снаружи.
Не знаю сам, что лучше и что хуже.
И с каждым днем мой кругозор все уже.
Где право выйти получу, — не знаю.

Не разберу я — холод или пламя?
Скрыт в сердце смысл, но за семью замками.
Кого на путь направлю я словами?
Зачем мой жребий я влачу, — не знаю.

Махтумкули, до бредней ветер падок.
Оставь ему весь этот беспорядок!
В пучине тайн трещит ладья догадок,
И руль ее зачем верчу, — не знаю.

МИЛОЙ

Что я познал в скитаниях моих?—
На свете, люди, не прожить без милой,
Без черных глаз, к моим мольбам глухих,
Без жаркой груди... не прожить без милой.

В ее глазах сверканье всех лучей.
Она — достоинств женских казначей.
О ней вздыхают днем, во тьме ночей.
А кто осудит? Не прожить без милой.

Она идет, сняя, как луна.
Достоинств неизведанных полна,
Ее одежда словно пелена.
Моли о чуде, не прожить без милой.

Вина нальет, улыбку затая,
Сама отравит кубок, как змея.
Сто тысяч вин трезвей того питья.
Смерть в том сосуде — не прожить без
милой.

Ее звенящий голос — как хрусталь.
Ей ширь вселенной видится сквозь шаль.
Каким грехом ни скрасим мы печаль,
Но помним в блюде: не прожить без милой.

Когда ее ты сильно прогневил,
И гнев ее тебя испепелил,
Пускай затрубит в трубы Израфил;
Ты скажешь: «Судьи, не прожить без
милой».

Сама себе сподвижница, собрат,
Союзник верный свой и супостат,
Себя сжигает пламенем утрат.
Верна причуде... Не прожить без милой.

Бессмертен тот, кто полюбил ее;
Ночное ей не нужно забытье;
Она отвергнет яства и питье,
И мед на блюде... не прожить без милой.

Махтумкули, всех жертв ее не счесть.
Забывших все — рассудок, совесть, честь,
Ты в жертву ей решил себя принести.
Что делать, люди?.. Не прожить без милой!

ЕСЛИ

Коль нет богатства у джигита,
Безвестен он в родном краю,
Но будет имя знаменито
Тех, кто врагов разил в бою.

Нет сыновей — твой род прервется,—
И канет имя в глубь колодца.
Бесплоден дух, коль не взметнется
Мечта, подобная копыю.

В кочевьях радости в избытке,—
Пускай ковры лежат в кибитке;
Но жизнь в безделье хуже пытки,—
Должна быть воля к бытию.

Махтумкули уменье ценит:
Ум и копые врага подденет;
Беда, коль друг в бою изменит,
Прольешь напрасно кровь свою!

НЕ УГАСАИ

Душевной радости не даст
Не обижавший век другого;
Едва ль на доброе горазд,
Кто никогда не делал злого.

Кого главой признал народ,
Везде удачу тот найдет;
Но власти не удержит тот,
Кто резкого бонится слова.

Достойный муж от всех обид
Народ свой смело охранит,
Но взыщет бог с тех, кто простит
Пороки племени родного.

А коль душа в грехах тверда,—
Промчатся дни, пройдут года,
И грянет горькая беда
На темя грешника слепого.

Свой не всегда спасает ум;
С другим делись плодами дум;
Не то судьбы коснется глум
Слепца, пороками больного.

В бою храни и честь и гнев;
Не даст пощады волку лев;
Кто ж друга предал, оробев,
Бог проклянет бойца такого.

Гори, Фраги, не угасай;
Будь нем иль перлы рассыпай!
И словно зверя избегай
Глушца, для мудрых слов глухого!

НУЖНО

Чтоб удальцу дивился свет,
Владеть конем уменье нужно;
Пришедшим — дружеский привет,
Но с ним и угощенье нужно.

Упорство нужно для трудов;
Лишь конь — надежда ездоков;
Чтобы друзьям был вкусен плов,
Сердечное влечение нужно.

Мечтам подрезывай крыла;
В богатстве много скрыто зла;
Чтоб жизнь достойною была,
От мудрых поученье нужно.

Махтумкули! Ты ниц и наг;
Знай: в мире бог единый благ;
Но гостю — бай ты иль бедняк —
Почет и угожденье нужно!

РАЗЛИЧИЯ

Коль с тайной своей к дураку, не подумав, пойдешь,
Он все разболтает, тебя осрамит и ославит;
Коль тесную дружбу с блудницей безумной
сведешь,
Она облысеть тебя в юные годы заставит.

Рабу не под силу хотя бы семь дней пировать;
Дракона, хоть мертвого, ящерице не сожрать;
Знай, дружбу с медведем свирепым водить не под
стать:
Тебе, разозлившись, он голову в лапах раздавит.

Кто пас ишаков — не оценит коня-скакуна;
И щедрость — в народе, а мудрость — в совете
видна;
Лишь в скачке скакун благородство проявит сполна,
А щедрый — пред гостем обильную скатерть
расправит.

Мечта у джигита: любимая, конь, ятаган;
Трус — горе народа, причина позора и ран;
В аульных раздорах презренный буян и смутьян
Мышей клеветы на отважного мужа натравит.

Фраги говорит: на пиру удальцов веселит
Отважный боец, он как друг меж друзьями сидит;
А в битве горячей во имя народа джигит
Все поле сражения кровью врага окровавит!

ВЗОР УПАЛ

Богом радость мне дана!
Взор упал мой на желанную.
В мейхане испив вина,
Вижу, вижу страстью пьяную!

Локоя твой душист и густ;
Взор — алтарь, и он не пуст;
И кораллы влажных уст
Глубью дышат океанною.

О запретная, приди,
Ты на раны погляди.
И прильни к моей груди, —
Дай мне видеть богоданную!

Ты — джейран: легка, стройна;
Меда речь твоя полна;
Ты — как полная луна
Над равниною безгранною!

Жгут желанья грудь людей;
Предан раб княжне своей;
Трели нижет соловей,
Если видит розу рдяную.

Гиацинт твоих волос
В сердце песню мне занес;
Соловей я: райских роз
Вижу гроздь благоуханную.

От страданья исцели,
Красотою утоли:
Душу душ Махтумкули
В милой видит осиянную!

ЕСТЬ ЛИ?

О любви послушать слово
Есть желающий, друзья?
Стонам бедного больного
Есть внимающий, друзья?

Опьянен я! Волей рока
В сердце страсть вошла глубоко;
Есть ли в мире столь жестоко
Изнывающий, друзья?

Жжет мне тело, сердцу больно,
Плачу я, кричу невольно;
Есть ли в мире столь бездольно
Погибающий, друзья?

Наслаждаясь миром лживым,
Можно ль быть хоть миг счастливым?
Есть — в котле любви бурливом —
Умирающий, друзья?

Страсть и мысль — в извечном споре;
Мужу страсть — беда и горе!
Есть ли кто в любовном море
Утопающий, друзья!

Я терзаюсь, я тоскую,
Покидаю грудь земную!
Есть ли смехом боль такую
Оскверняющий, друзья?

Как Фраги ни пламенеет,
Пери злая не жалеет...
Вправду ль страсть, как ястреб, реет,
Все терзающий, друзья?

ЗАХОЧЕТСЯ

Порой такая встретится красавица,
Что ей служить простым рабом захочется.
Столь милая, столь нежная,— столь нравится,
Что с ней до смерти быть вдвоем захочется.

Высокая, манящая, желанная;
Лицо — луна, а губы — роза рдяная;
Слова — как перлы, как роса медвяная;
И к ней приникнуть жадным ртом захочется.

С такую жаждешь каждый день свидания;
Касаться кос — что может быть желаннее?
Ей все отдашь! К такой стремить мечтания
Не только ночью, но и днем захочется.

А есть красотки: волосы немые,
На платье грязь, в дому горшки разбитые,
Родители не кормлены, забытые,—
И тут спастись в краю чужом захочется.

Коль встретишь пери с кожей белоснежною,
Она в тебе зажжет любовь безбрежную,
Сольет с твоей душою душу нежную,—
И мир отдать ей целиком захочется.

Но быть должна испытана красавица:
Когда-нибудь в ней кровь и род проявятся.
Все дашь, Фраги, той милой, что понравится;
А от дрянной — бежать бегом захочется!

КЛЯНУСЬ

О пери! Навек пленен я тобою, прекрасной,
клянусь!

Не видя тебя, я в геенне сгораю всечасно, клянусь!

Случайно я в город твой прибыл, я имя твоё
услыхал,

И вот — соловей я плененный, певец твой
несчастный, клянусь!

Купец я: с пустыми руками вернуться домой
не хочу, —
Любовный товар покупаю, твой шелк темно красный,
клянусь!

Ты душу мою отнимаешь, а чем я тебе угожу?
Святым угодил бы и пирам я песнею страстной,
клянусь!

О пери! Подобные косы твоей лишь даны красоте!
Поверь же Фраги! Он взывает: «Я раб твой
безгласный, клянусь!»

ЛЮБИМАЯ

Друзья! У меня любимая есть, живет она вдали,
Но славу о ней по всей земле влюбленные разнесли.

Я сердце свое ей рад снести, не знаю только пути;
Я там бы родину вновь обрел, и счастье б мы
обрели.

Я ей сказал бы: «Любовь моя! Себя уничтожу я,
Но будь моею, дай счастье мне, безумным словам
внемли!»

Быть может, с другими сидит она, счастливых дум
полна;
Быть может, ею приглашены, влюбленные к ней
пришли.

Войди я к ней, улыбнись она, блесни глазами она,
Я там остался б навеки: мне не надо родной земли!

Коль черные косы крепче цепей в плену томят
людей,
То я ей душою и телом раб, простертый пред ней в
пыли.

А дни идут, и пройдет весна, а мне не расторгнуть
сна;

Хочу я глаза открыть, увы: свинцом они затекли...

Коль спросят путники про меня, скажите, лицо
клоня:

«Гоклен он родом, с Атрека он, а имя —
Махтумкули».

ЛЮБОВЬ

Я бродил по теснинам любви. Лучше, кажется,
смерть!

Что за мука! Душа изныванья такого не стерпит!
Если гору любви взгромоздить на небесную твердь,
То обрушится небо, — страданья такого не стерпит!

Без дыханья любви даже факел не станет гореть.
Даже волки стенают, почуя любовную сеть;
Горы грозные дрогнут, расплавятся камни и медь
От любовного зноя, — пыланья такого не стерпят!

Не найти никого, кто бы в муках любви устоял;
Даже рок отступает, почуя любовный накал;
Покачнется земля, океаны отхлынут от скал,
И просторы пустынь содроганья такого не стерпят!

Рай бежал от любви и на небе укрылся навек;
Ад, под землю скрываясь, ущельями горы рассек;
Все бежало; остался покорен любви человек,
Но и он без рыданья терзанья такого не стерпит!

И вовеки Фраги не бежать из любовных оков,
Но напрасны все жалобы: небу не слышен их зов.
Эта смерть и тоска — нам наследство от грешных
отцов,
Хоть душа никогда наказанья такого не стерпит!

НЕДОУМЕНИЕ

Я душу отдавал красавице неверной;
Она ушла, и я в разлуке сердце сжег.
Я говорил себе: «Забуду я о скверной!»
Но проглядел глаза, их не сводя с дорог.

Я сам всему виной, накликал сам напасть я,
И сам коню судьбы позволил в грязь упасть я;
У бога надобно просить земного счастья,
Но счастья мне послать не соизволил бог!

Под облака взлетел мой сокол легкокрылый,
Забыв охотника, огонь вливая в жилы.

Где уточку словлю? Я стал ненужен милой, —
Она другой себе сыскала уголок.

Потери не вернуть, не возместить урона:
Я упустил сону, а догнала ворона;
Я ж хищником прослыл, не знающим закона,
Хоть притворялся я, что робок и убог.

Теперь, Махтумкули, стреми твой стон протяжный;
К овечке волк идет, зняя пастью влажной!
Друзья! От храброго рождается отважный,
Но как от робкого родиться храбрый мог?

ПРИДИ

Моя мучительно-любимая, приди!
Я горько вдовствую, грудь пронзена ножами.
Ищу тебя, зову: нет жизни впереди!
Ужель не тронешься правдивыми словами?

Совета я прошу, и говорит народ
Простой пословицей: «Где масло, там и мед».
Встаю к молитве я, лишь утро расцветет,
И первыми — тебя к себе зову мольбами.

Для понимающих — ты ярких лалов нить.
Невеждам никогда твой ум не оценить.
О, если б ты могла моей женою быть,
Любимая моя, чей образ — смерть и пламя.

Войдя, любимая, дом сердца озарит,
И счастье мертвое навеки воскресит.
Я захочу — как воск расплавится гранит,
Я повелю — и луг покроется цветами.

Нет в мире ярче солнц, чем солнце красоты!
Крылатыми становятся мечты.
Беда тебе, Фраги, коль не добудешь ты
Той, на кого глядишь влюбленными глазами!

РАССТАЛСЯ

Я, безутешный соловей,
Со свежим цветником расстался!
Я с милой, с нежною моей,
Рыдая, бедняком расстался!

Она красивей что ни час;
Я пел ее десятки раз:
И волны кос, и пламень глаз,—
И вот — с медвяным ртом расстался!

Терпенья нет в душе моей:
Срази меня, топчи, убей,—
Мне сладко. Грозен лук бровей;
Я со стрелой-зрачком расстался!

Ее дыханье слаще роз.
О, гнацинт ее волос!
О, речи мед! Я, полон слез,
С певучим соловьем расстался!

Полна мечтой душа моя:
Быть с ней, с царицей бытия!
В ней — восемь райских рощ! Но я
С гранатовым цветком расстался!

О, башенки ее земли!
О, свежий ключ и луг вдали!
Зовут любимую — Менгли,
А я с блаженным сном расстался!

Махтумкули, от страсти пьян,
Спел в честь красавицы дестан.
О пышный сад! О гюлистан!
И с ним я, с цветником, расстался!

ХОЧУ

Как жить мне без милой худо,
Скитаясь по разным странам!
О боже, пошли мне чудо,
Не дай упасть бездыханным!

Дай милую с жаркой кровью,
С душой, согретой любовью,
Красивую, с тонкой бровью
И гибким, как пальма, станом.

Сведи меня с крепкой, стройной.
Себя и меня достойной,
С туркменкой, — простой, спокойной,
Но с сердцем благоуханным.

Не надо мне говорливой,
Вертлявой, глупой, сварливой,
С душой и рукой ленивой
И нравом непостоянным.

Пусть будет она высокой,
Изящной, пламенноокой;
Аллах! Я ранен жестоко,
Молю: дай закрыться ранам!

К тебе я взываю снова:
Пошли мне счастья такого!
Нет жизни для холостого,
Хотя б он был Сулейманом!

Фраги — не устану звать я,
Сгорать, простирать объятья:
Подругу хочу обнять я,
Быть с нею от страсти пьяным!

УИДУТ

Увы, друзья! Наш мир непрочен бренный:
Все, кто пришли, — и стар и млад, — уйдут!
Не сохранить летучих благ вселенной,
Не удержать ее отрад: уйдут!

Как будто медом полны мира соты,
Но это — желчь: тревоги и заботы.
Кричишь: «Достиг!» — а блага и красоты,
Из рук скользнув, дразня твой взгляд, уйдут.

И времени не удержать вращения:
Рожденье, смерть, рожденье, смерть, рожденье...
Тем — раздувать своих костров горенье,
А те, задув огни лампад, уйдут.

Все, кто бледнеет, истины взыскав,
Кто мечется, о благах дня ревнуя,
Кто жаждет правды или поцелуя,
Все, кто печален, все, кто рад, — уйдут.

Все, кто владеет ханством или бекством,
Все, кто нуждою разлучен был с детством,
Кто от греха спешил спастись бегством,
Кто пил ширап, иль мед, иль яд, — уйдут.

Все, кто дарами жизни наслаждался,
Кто зло от блага отличать учился,
Кто без различья ко всему стремился, —
Слепою птицей, наугад, — уйдут!

Нельзя понять игру судьбы обманной:
Губами льнешь к уладам мира, пьяный,
А все улады в некий день неожиданный,
Оставя серы едкий чад, уйдут.

Какой в том смысл — ни ты, ни я не знаем:
Два дня ты рад, четыре дня терзаем!
Мир схож с нелепым караван-сараем:
Там, сбросив кладь, все в дальний град уйдут.

Фраги, как все, во власти лживой чары;
Шипам и розам — выносить удары;
Все: шах, и раб, и молодой, и старый, —
Будь беден он или богат, — уйдут!

ПРОЩАНИЕ С МЕДРЕСЕ ШИРГАЗИ

Под кровом жил твоим и соль твою вкушал
Три года я подряд, прекрасный Ширгази!
Тут зимы коротал и весны тут встречал...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Нам знание дано как заповедь небес.
Ты просветил меня и ввел в тайник словес.
Но требует меня к себе родной геркез...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Теперь я знаю, что черно, а что бело,
Кто друг, кто недруг мой, что есть добро, что зло.
Коран и много книг других в мой мозг вошло...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Здесь вдохновенья ключ забил во мне искрясь.
Я гневом изойду, клеймя пороков грязь.
Духовную с тобой не разорву я связь...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Никто своей судьбы не знает наперед,
Но я к тебе вернусь, коль бог не приберет.
Ждет, снаряженный в путь, верблюд мой —
скороход...

Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Переплыву пески пустыни, как пловец.
Красноречивых слов смакуя леденец,
Быть может, заживу счастливо наконец...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Тобой воспитанный, тобою просвещен,
Я собираюсь в путь, печалью удручен:
Отца я потерял — Каабы я лишен...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Живительным дождем была мне мудрость книг,
Простор больших морей передо мной возник.
Я пересек Джейхун — а все твердит язык:
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Махтумкули всю грязь отмыл с души своей.
Он так любил и чтит своих учителей, —
Забудет ли он блеск тех золотых дверей?
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

ГОРЫ В ТУМАНЕ

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.

Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

А предо мною на просторе
Моих надежд играло море!..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
Трусливого живет надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костями за край родной!

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той!

ЖЕЛАНИЕ

Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.

Меджнун, от родины вдали,
В глухих горах чужой земли,
Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает.

Иша Ширин, из града в град
Бредет измученный Фархад;
Ее живительных наград,
Уже испепелен, желает.

Вамык, попавший наконец
К своей Азра в ее дворец,
Свободы ищет, как беглец,
Расторгнуть злой полон желает.

Пригож Юсуп как божество.
В свое не веря торжество,
Зюлейха смотрит на него,
Сдержать любовный стон желает.

Фраги недугом истомлен:
Объединителя племен
Прихода благостного оя,
В Туркмению влюблен, желает.

ИЗГНАННИК

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом был,
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был —
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был,
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был —
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,
Я червонным чеканом был,
Рощ небесных рейханом был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом — и пустыней стал.

ЛЕБЕДИ

Странники, взгляните на меня,
Кто еще подобно мне томится?
Мотыльки, любовники огня,
Кто из вас к блаженству не стремится?

Ветер, ветер, ты в чужих краях
Пел в ушах, вздымал дорожный прах...
Есть ли в мире справедливый шах,
Где его счастливая столица?

Муж святой, ты видел горный рай,
Ты земной благословляешь край,
А по белу свету ходит бай.
Укажи, где нищете укрыться?

Дудку сделал я из тростника —
Ростовщик услышал должника.
Птицы вы мои! От ястребка
Разве может спрятаться синица?

Рыба, ты и лодка и гребец.
Синяя пучина твой дворец.
Есть ли в мире остров, где беглец
Вечных бедствий мог бы не страшиться?

Мир-завистник, ты, как время, стар,
Отнимаешь свой блаженный дар...
Есть ли на земле такой базар,
Где алмазы по грошу кошица?

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурмлена, —
Кто с моей избранницей сравнится?

На земле моя Менгли жила,
Обожгла мне сердце и ушла.
У меня в груди ее стрела.
Где она? Какой звезды царица?

Я скучаю по родным краям.
Ты гулял ли с нею по горам?
Дай мне весть — по-прежнему ли там
Дождь идет, седой туман клубится?

За годами промелькнут года,
Новые возникнут города.
Кто мне скажет — будет ли тогда
По корану человек молиться?

Народится новая луна —
Не навеки сгинула она.
Для ростовщика возведена
Будет ли надежная темница?

Мало говорил Махтумкули, —
По глазам печаль его прочли.
Лебеди отеческой земли,
Иль не горько с вами разлучиться?

НАЧАЛО

Опередив добро и славу,
В счастливый день певец придет.
С бедой мулла придет в державу,
И вражеский боец придет.

Хвастливый трус при первой ране,
Смутясь, покинет поле брани.
Предупредив пожар желаний,
Томление сердец придет.

Отец себя увидит в сыне.
Спит кабаненок в черной тине.
Мотыга застучит в пустыне —
И влага наконец придет.

Вдали от логова родного
Что волк? — добыча зверолова.
Фраги! Потом родится слово,
Сперва его творец придет.

ПУТЬ

Кипит живых речей поток,
Играет разум вдохновенный,
Но темной тучей злобный рок
Проходит по лицу вселенной.

И меркнет взор, и на щеках
Золой лежит смертельный страх,
Слова уносятся как прах,
И разум тяжело спит, как пленный.

Кто — смертный — видел мира дно?
Заглянешь в бездну — в ней темно.
Я пью любовное вино,
И мне тяжел мой кубок пенный.

И вдохновение мое,
Смутясь, впадает в забытье,
И роковое острие
Грозит моей душе смятенной.

Даны садовники садам,
Туманы — горным высотам,
С женою делит хлеб Адам,
А я — один в юдоли брэнной.

Ума несметная казна
Растратится, распылена:
Дела, кочевья, времена
Проходят чередой мгновенной.

Все миру суетному впрок.
И в добром сердце скрыт порок.
Соедини меня, пророк,
С моей подругой несравненной!

Когда берется хан за труд —
Мотыги бедняки берут.
От песни утешенья ждут
И жалкий раб и шах надменный.

Поешь, а миру невдомек,
Что твой язык солгать не мог.
Бредешь, Фраги,— твой путь далек,
Далек твой Хинд благословенный.

БЕЗВРЕМЯ

Мир, одержимый суетой,
Грешит безумными делами.
В Каруны метит род людской,
Все ныне стали крикунами.

В пороках тонет бай-скупец.
Где солнце праведных сердец?
В чертогах родины купец
Торгует жалкими рабами.

Иссякли воды наших гор,
Не рвется ветер на простор...
Когда-то веселивший взор
Гурген пересечен врагами.

О царство непроглядной мглы!
Пустеют нищие котлы;
Народ измучили муллы
И пиры с их учениками.

Смертельно родина больна,
Разрушена и сожжена.
Джигиты в наши времена
В темницах стали стариками.

Грабеж да бедность... И греша,
Ожесточается душа.
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями.

Источены, угнетены
Отчизны лучшие сыны.
Лихие стали скакуны
Простыми вьючными ослами.

Достойный муж как грус дрожит;
Красавица забыла стыд;
Шах, как змея, народ язвит,
Хан вьется вороном над нами.

Где честь? Где верность и любовь?
Из горла мира хлещет кровь.
Молчи, глупцу не прекословь,
Страна кишит клеветниками.

Язык мой против лжи восстал:—
Я тотчас палку испытал.
Невежда суфий пиром стал,
Осел толкует об исламе.

Злак не растет в тени тюрьмы.
Померкли светлые умы,
Глупцы, надевшие чалмы,
Вдруг обернулись мудрецами.

Ворует вор, богач берет,
И наг и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками.

И горы, словно корабли,
По морю слезному пошли,
И кровь из глаз Махтумкули
Бежит хазарскими волнами.

ВОЗРАСТЫ

Во чреве матери я спал девять лун.
Открыв глаза, я в мир попал. — Дни мои!
В пять лун я вышел наконец из пелен;
Мне зубы в восемь бог послал. — Дни мои!

Я в год не мог, добро и зло распознать.
Отца в два года узнавал я и мать;
В три было мне дано язык воспринять,
В четыре — камни я кидал. — Дни мои!

Сомкнулись пять начальных лет в яркий круг.
К шести годам я полюбил струнный звук,
К семи годам дичиться начал подруг,
К восьми — беззубым снова стал. — Дни мои!

Произносить салам я в девять привык.
Читал я на десятом книгу из книг;
Держал в одиннадцать перо, ученик, —
Слова глотал, и слаб и мал. — Дни мои!

Двенадцать я, тринадцать лет накопил.
В четырнадцать — мне сердце жег ранний пыл;
Меня в пятнадцать — страстный сон посетил,
В шестнадцать лет я бушевал. — Дни мои!

Я в двадцать — буйной силы бремя любил,
Я в двадцать пять — похода время любил,
Я в тридцать лет — стрелу и стремя любил,
И был я в тридцать пять — удал. — Дни мои!

Я чашу знаний наполнял в сорок лет.
Я в пятьдесят за четки брался чуть свет,
Мюридом стал я в шестьдесят, стар и сед,
Года пророка насчитал. — Дни мои!

Под семьдесят неволит лечь дрожь в ногах;
Под восемьдесят — молкнет речь, муть в глазах;
Под девяносто — ноша с плеч, в сердце — страх,—
Кто память у меня украл?— Дни мои!

Тебе, Махтумкули, до ста не добрать!
Придут халат на мертвый прах надевать.
Да будет спутницей вам благодать,
О, жертва роковых начал — дни мои!.

ЛОЖНЫЙ ДРУГ

Не толкует о храбрости хан,
О гульбе и вине говорит.
Потерявший ягненка чабан
О волках и во сне говорит.

Отлученный от края отцов,
Вспоминая родительский кров,
Жалкий странник среди чуждых песков
О родимой стране говорит.

Шах болеет, не ест и не пьет:
В жилах — пламя, а руки — что лед.
Лекарь снадобье прежде дает,
А потом о мощне говорит.

Ходит-бродит по свету хромой,
Тяготится дорожной сумой,
Все никак не вернется домой,
О лихом скакуне говорит.

Снится зависти шахский чертог,—
Наяву он, как солнце, далек.
Опаленный огнем мотылек
О волшебном огне говорит.

Были смертные дни хороши.
Почивая в могильной тиши,
Плоть, оставшаяся без души,
О бессмертной весне говорит.

Ненадежных друзей не имей,
Ложный друг среди новых друзей
О случайной ошибке твоей,
О ничтожной вине говорит.

МОЛВА

Играют пенные потоки,
Дрожит суровый камень гор;
В тревоге путник одинокий
Спешит на брезжущий костер.

Болтун все тайны выдаст разом.
Не помнит слов ничтожный разум.
Джигит не отвечал отказом
На зов отчизны до сих пор.

Не забывай о верном друге —
И вспомнятся твои заслуги.
Гадаем, слезы льем в недуге,
Но слезы — яд, гаданья — вздор.

Рассмейся, унывать не надо,
Молва твоей печали рада,
И тайная твоя досада
Из дождя выйдет на простор.

Мир обездолит алчность бая;
Порвется тетива тугая;
Под ветром башка вековая
В летучий превратится еор.

Над розой — рокот соловьиный.
Ручьи, бегущие с вершины,
Сливаются в поток единый;
А за молвой идет раздор.

Не бойтесь птиц и сейте просо.
Красавица расчешет косы,
Глядишь — на мед слетятся осы,
И зажужжит постылый хор.

Всегда Карун-скупец в кручине,
Покая нет его гордыне.
Меджун — Махтумкули к пустыне
Отныне обращает взор.

НАСТАВЛЕНИЕ

Запомни, смыслу здравому послушный:
Не уходи, люби родимый край.
Пускай зовет на службу малодушный, —
Позорящего дела избегай.

Служи тому, чье зримо превосходство;
Кому отцы судили благородство;
Его отребий нищенских уродство
Достойным восхваления считай.

Бесплодны пересохшие арыки.
Ничтожный сыт, и голоден великий.
Ты не гляди, что стоптаны чарыки,
Пустой насмешкой их не оскорбляй.

Хорошего не порождает злое,
И кровный конь рысистей клячи втрое;
А подлый муж... оставь его в покое
И кляче скакуна предпочитай.

Когда, судьбой на пир чужой заброшен,
За дастархан усядешься, непрошен,
В чужой тарелке не считай горошин,
Рта на чужую соль не разевай.

Садись, когда услышишь приглашение.
Достойно принимая угощение,
Не торопись: бесстыдно нетерпенье.
Без просьбы дел чужих не исполняй.

Ты мягок, добр и держишься учтиво,
Умеешь говорить красноречиво, —
Я — твой слуга, и слух мой терпеливо
Твоих советов ищет: наставляй!

Кто видел, чтоб и тысяча печалей,
Как дождь небесный, землю увлажняли?
Кто видел, чтоб джигиты унывали?
Свой взор мутить слезам не позволяй.

Блажен, кто братьям служит благодетель,
Кто чистой правды ищет и в пустыне.
Одежда кривды не к лицу мужчине.
И ради шуток вздора не болтай.

Взгляни на души каменные эти:
Для них печаль раскидывает сети.
Добро — не частый гость на этом свете:
Люби его и злу не уступай.

Пером сражая алчность как стрелюю,
Склони глаза над книгой золотою;
Не заключай условий с сатанюю
И втуне мудрых слов не оставляй.

Ты взыскан Искандеровой удачей,
Твоя казна Каруновой богаче, —

**А все же в прах инсходит прах незрячий,
И над землей звучит вороний грай.**

**Мечтаешь ли о мирных куцах рая, —
Пусть мир шумит, играя и сверкая, —
Оставь его, волнения смиряя,
И вспять стопы свои не обращай.**

**Происхождением не гордись: в могиле
Твой предок спит, и все его забыли,
Напраслина среди живущих в силе,
Клеветнику неведом светлый рай.**

**Пусть лают псы на рваные одежды.
Смежатся холодеющие вежды;
На божье милосердие надежды,
Однажды поскупясь, не возлагай.**

**Взойдя и на высокие ступени,
Не отдавай нелепых повелений,
Не отвергай благоразумных мнений
И суть свою в сравнении познай.**

**Приходит старость, точно призрак тощий.
Лишает мужа доблести и мощи,
Живи достойней, благостней и проще,
На ложе скуки реже почивай.**

**Слова правдолюбивые — нетленны.
Советам верь, но берегись измены,
И, хоть не в каждом доме слышат стены,
Тайн заповедных зря не открывай.**

**Богатые от юных лет в почете,
Бедняк же с детства мается в заботе.
Насильник, не споткнись на повороте,
Себе под ноги камня не бросай!**

По следу льва идет его наследник,
Он никогда не будет из последних.
Сын тунаядца — трус и привередник.
Среди народа сына воспитай.

Теперь пойдем и оседлаем долю,
Помчимся вдаль по жизненному полю,
Отыщем правду и добудем волю, —
Но только слов моих не забывай.

Не отвергай разумного совета,
Пускай тебе на перепутьях света
Добром послужит наставленье это.
Будь милосерд и кривду презирай.

Махтумкули, ты не нашел лекарства
От злобы мира и его коварства.
Настанет срок — сойдешь в немое царство, —
Ни дня, ни часа даром не теряй!

РАЗДУМЬЕ

Из глаз моих струится кровь,
Я ранен стрелами обид;
Напрасно для меня Лукман
Бальзам целебный кипятит.

Что совершил бы Искандер,
Завоевавший этот мир,
Свою дружину потеряв,
Утратив меч и верный щит?

Еще безумствует султан,
Опустошающий страну,
Еще возмездия не ждет, —
Но птица счастья улетит.

Скажите: кто песок сухой
И глину медом назовет?
А сколько душ отраву пьют,
Такую светлую на вид!

Померкла чистая луна
Сраженных в битве храбрецов,
И солнце малодушных вновь
Над миром суетным блестит.

Порою пери неземной
Последний трус боготворим.
И не находит на земле
Своей красавицы джигит.

Неосторожный мотылек,
Навеки преданный любви,
Над жарким пламенем снует.
О, поглядите: он горит!

Иные слабых рук своих
Не могут вскинуть над землей;
Иные, крылья привязав,
Легко взвиваются в зенит.

Та птица счастья, что вчера
Достигла цели в небесах,
Сегодня, канув камнем вниз,
В грязи, подбитая, лежит.

На помощь ей прийти нельзя.
И небу возвратить нельзя;
Ее голодная земля
Притягивает, как магнит.

Над птицей счастья не горюй,
Не то сойдешь под землю с ней,

Тогда пощады не проси:
Ты миром будешь позабыт.

Среди веселья долгий год
Промчится словно час один;
Неотвратимая печаль
Мгновенья в годы превратит.

Порой боится человек
В дороге повстречать судьбу;
Вернется под родимый кров,
А из угла судьба глядит.

В саду вчерашней розы нет,
Но роза новая цветет,
И славит новый соловей
Румяный жар ее ланит.

И говорит Махтумкули:
В страданиях жизнь моя пройдет.
Печаль седины принесет
И гордый ум испепелит.

ПРИРОДА

1. СЕМЬ ЦВЕТОВ МИРА

Постигая бытия
Многоцветный океан,
Славит радость плоть моя,
Дух мой песней обуян.

От печали пропадешь,
Если правде предпочтешь
Обольстительную ложь,
Соблазнительный обман.

Зеленеющим лугам,
Розовеющим садам —
Путь добра — взгляни, Адам! —
Всей земной природе дан.

Алчность молвит: «Мне бы жить,
Плотской прелести служить,
Сытно есть и не тужить,
Да носить высокий сан».

Сердце молвит: «Я — базар.
Ты продашь небесный дар.
За лукавство женских чар.
Я — греха живой капкан».

А перо в руке моей:
«Раскрывай тетрадь скорей!»
«Гур-ру!» — сизых голубей
Говорит гурлящий стан.

Соловей свистит: «Я тот,
Кто весну полей поет;
Кто над розой слезы льет,
А дворец мой — гюлистан!»

Плачет нетопырь: «Аллах,
Ты вложил мне в сердце страх;
Я сгорю в дневных лучах,
Спрячь меня в ночной туман!»

Дрозд щебечет: «Илля ллах!»
Стриж: «Создателю хвала!»
Говорить: «Кулхувалла», —
Аист учит мусульман.

Турухтан свистит: «Ты чей?»
А удод: «Я сват царей,

Я — посол в юдоли сей,
Мой владыка — Сулейман».

Стрепет ходит по степям
Да глядит по сторонам,
Говорит: «Не здесь ли нам
Светлый рай обетован?»

А журавль: «Я улечу,
Я из Ганга пить хочу;
Под Багдадом разыщу
Расцветающий тюльпан».

Стонет сын: «Я счет веду,
Числю горе и беду,
Средь руин я пропаду,
От своих рыданий пьян».

Говорит эсхак: «В плену
Солнце правды помяну.
Раб тоскующий, клянусь
Знойный Шам и Шебистан».

Молвит горлица: «Живем —
Гнезда вьем, но все уйдем.
В три прута я строю дом:
Что мне гром и ураган?»

Молвит ястреб: «Жизнь мою
Я провел в лихом бою.
Яд воспоминаний пью,
Брошенный в тюрьму буян».

Куропатка: «Я молюсь».
Утка: «Я в мольбах клонюсь».
Долетает белый гусь
До пределов горных стран.

Голубок охрип от слез,
Горд павлин, да безголос.
На семьсот ладов кикнос
Воспеваёт Хиндостан.

Мудрый попугай постиг
Человеческий язык,
Жить среди людей привык,
С ним беседует султан.

«Предан истине святой,
Населил я край степной.
Где, друзья, детеныш мой?» —
Плачет, жалуясь, джейран.

Воет волк: «В глухом краю
Утолю я злость мою,
Нападу на след — убью!
Я — разбойник и смутьян!»

Семь земель — один чертог.
Каждой твари внемлет бог,
Злак поет у божьих ног,
Речь свою ведет бурьян.

«Все исчислится судьей:
Каждый шаг неверный твой,
Каждый помысел дурной!» —
Учит смертного коран.

Горделивым, как Юсуп,
Терпеливым, как Эйюп,
Будь, когда ты, как Якуб,
Оставляешь свой Кенган.

Жаждет дух: «Напится дай!».
Страждет разум: «Где твой рай?»

Да увижу горний край,
Благодатью осиян!

Конь арабский говорит:
«Подо мной земля дрожит,
Любит истинный джигит,
Звучный звон моих стремян!»

Кляча ржет: «Моя судьба —
На спине носить раба;
Я — рабыня, я слаба,
Я — в крови несчетных ран».

Говорит осел: «Мой род
От булыжника идет.
Маюсь я в кругу забот,
Воду пью и ем саман».

А корова: «Почему
Столько мух в моем дому?
Я была главой всему,
А теперь — слепень мой хан».

На себя, Махтумкули,
Погляди! Друзей моли,
Чтобы слово не сочли
Ложным, если в нем изъян!

2. САД

Для красавицы-души
Правда — благодатный сад.
При царе-глупце — в тиши
Труссы нежатся да спят.

Где ты, конь моих удач?
Конь удач уходит вскачь;

**И Ширин вздыхает: «Плачь,
Плачь, Ширин, горит Фархад!»**

**Небо надо мной — огонь,
За спиной — свист погонь:
Сердца моего не тронь,
Сердце мне ножи язвят.**

**Говорит огню кебаб:
«Бьет меня язык. Я слаб.
Я — зубов несчастный раб.
Я ни в чем не виноват».**

**Молвит камень: «Я бедняк»,
Молвит кряж: «Я ниц и наг,
У меня в ущельях мрак,
Тучи на глазах лежат».**

**Иноходец ржет: «В бою
Положись на стать мою.
Я на месте не стою;
Храбрецу — я друг и брат».**

**Рыба говорит: «Мой дом
В океане голубом.
Что мне берег твой? Кругом
Волны весело кипят».**

**Молвит роза: «В мой чертог
Соловей влететь не мог.
Мой последний лепесток
Обрывает снегопад».**

**Соловей: «Моя страна —
Розовая купина;
Дай настроить мне, весна,
Горло на высокий лад!»**

Барс: «Я спутником луны
Стал в приливе тишины.
Две луны во тьме видны —
То глаза мои горят».

Говорит глоток вина:
«Чаша выпита до дна».
Амбра: «Я — распылена,
Я — душа цветочных гряд».

Золото: «Я — не твое!»
Сон: «Я тень и забыть!»
Слово: «Я — твое питье.
Есть во мне и мед и яд».

Подлый молвит: «Пощади!»
Храбрый: «Слава впереди!»
Сердце мечется в груди,
В пламя бабочки летят.

И любовь мне говорит:
«Ты — железо, я — магнит».
И Махтумкули горит,
И уста его молчат.

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Зоhre небесная взошла, —
Совсем влюбленный пьян сегодня!
Земля тюльпаном расцвела,
Вселенная — рейхан сегодня!

Хмельные — в полузабытьи
Поют о розах соловьи.
Где слезы прежние твои?
Ты в жертву милой дан сегодня.

Отчизна меда пред тобой,
Цветочный мир, шатер цветной,
Пришел садовник молодой
И обнял гюлистан сегодня.

Возлюбленная, без подруг,
Одна приходи на вешний луг!
Безумной песни каждый звук
Тобою осиян сегодня.

Вчера еще причина слез,
Мне счастье Адыл-шах принес;
В моих долинах столько роз!
В горах такой туман сегодня!

Как барс, добычу береги,
Народа верный сын — Фраги!
Больным любовью помоги:
Певец — для них Лукман сегодня!

ВЛЮБЛЕННЫЙ СКИТАЛЕЦ

Соль желаний всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную — в небесном
Океане полюбил я.
Соловей — и шум, и ссоры
В гюлистане полюбил я;
Водоверть косы тяжелой
Как в дурмане полюбил я;
Степь меня околдовала:
Путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий
Через реки и долины,

Предо мною промелькнули
Горы Мекки и Медины;
Я блуждал в садах эдема.
Видел призрачные крины,
И меня заполонили,
Привели в страну кручины.
Что мне делать? Сто печалей,
Сто страданий полюбил я.

Я один. В песках пустыни
Потонул мой взгляд. О горе!
Для чего ты стрелы мечешь?
Ранен твой Фархад. О горе!
Ты мне сердце истерзала.
В жилах — желчь и яд. О горе!
Ослепленные надежды
По ветру летят. О горе!
Ты — рыдая — уголь жаркий
Заклинаний полюбил я.

Что за море предо мною?
Что за дикие утесы?
Догорающее тело
Жалят огненные осы.
Кто ты: горлица? орлица?
Соловей среброголосый?
По семидесяти тысяч
Жалких пленных губят косы.
Киноварный шелк на тонком
Стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь,
Как влюбленный раб томится,
Как меня в неволю манит
Черных кос твоих темница?

Неужели в злое время
Не должно мне счастье сниться?
Нищета впилась мне в душу,
Тело точит огневица:
От руки твоей недоброй
Смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла:
Не желает на поруки
Взять полуживое сердце
У тюремщицы-разлуки.
Тяжело мне в ожиданье
Вздрагивать при каждом звуке
И ломать при встречах руки...
Злых бровей крутые луки
И ресницы злые — сотни
Стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный
Стал добычею обманов.
Разнесли мою державу
Кони вражеских султанов.
Сто столиц в державе было,
Были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой,
Став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно
Цель скитаний полюбил я.

ГЛАЗА МЕНГЛИ

Живую душу погубили
Два палача — твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича, твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречах наводить не надо
Два злых меча — твои глаза.

Пощады я прошу, стеная.
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща — твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча — твои глаза.

ОЖИДАНИЕ МЕНГЛИ

Твое подножье — мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном.

Ты повелела мне сама —
Влюбленному — сойти с ума;
Твоих ресниц ночная тьма
Мне грозным кажется колчаном.

Я в полдень ждал тебя. Я гас
И вновь горел. Ушел из глаз
Безумный день. За часом час
Тянулся медленным туманом.

Такая боль мне сердце жжет,
Что день мой превратился в год;
Пока моя луна взойдет,
Я стану пеплом бездыханным.

Я бросил дом, забыл семью;
Заботы голову мою
Наполнили... В чужом краю
Я опьянен твоим дурманом.

Веселье у тебя в глазах,
А пленники твои — в слезах.
Защиты я искал в горах,
И обернулся дол курганом.

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

Бай превратился в бедняка
И ханом стал бедняк — пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

Пока Махтумкули бродил
Меж румских царственных могил,
Он жизнь до капли расточил,
Измученный своим тираном.

СМУЩЕНИЕ МЕНГЛИ

Свой пальчик розовый кусая,
Смущается Менгли-ханум.
Тугие косы расплетая,
Смущается Менгли-ханум.

А ты гори, смотри, влюбленный:
В беседу с бровью насурьмленной
Вступает локон расплетенный,
Смущается Менгли-ханум.

В одежде алой не бежала
От взоров жителей Ахала,
А с нами говорить не стала:
Смущается Менгли-ханум.

Хочу заговорить — немею,
Стою как нищий перед нею,
Сказать: «Открой лицо!» — не смею.
Смущается Менгли-ханум.

Душа, владычица, отрада,
Зовет Фраги — бежать не надо!
Но — благодатная — от взгляда
Скрывается Менгли-ханум.

ЖРЕБИИ

Жертва истины небесной —
Дух мой, жизнь, моя казна;
А мечта из клетки тесной
В Хиндостан увлечена.

Жил я, пел и слезы лил я,
Отчий свой народ любил я,
И стихи ему дарил я
Слаще меда и вина.

Милой все, чем дорожило,
Это сердце подарило;
И лицо я скрыл от милой —
Боль была бы не видна.

Я сгорал вдали от рая,
По стране любви блуждая,
И душа моя живая
Под землей заточена.

Сам я принял жребий странный,
Сам вошел в огонь багряный,
Сам прославил эти раны,
Сам себя лишил я сна.

Жду, не находя исхода,
Исцеленья — от народа:
Где, друзья, моя свобода,
Мир, покой и тишина?

Я стрелою стал в кручине —
Цель ищу я в тверди синей;
По Меджнуновой пучине
Плот мой гонит вдаль волна.

Перед миром я в ответе:
Только милой — слезы эти;
И одна мне в целом свете
Пери стройная нужна.

Бьется сердце, словно птица,
По своей Менгли томится,
И Махтумкули стыдится
Ран своих, моя страна!

ЛУНА

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя.

Я жду, а в сердце — вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поёшь — и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты — раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!
Луна встает из-за ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...

ОДЕРЖИМЫИ ЛЮБОВЬЮ

Одержимый любовью сожжет за собою мосты,
Любоваться он будет избранницей до слепоты;

Повстречается с нею и слова не сможет сказать.
Сколько в мире влюбленных стенают, ломая
персты!

Разгорается уголь, — поистине жар нестерпим,
Но любовь дорога в этом царстве пустой суеты.

Если осенью поздней на сердце низринется страсть,
Что влюбленному ранней весны молодые цветы?

Что, скажите, павлинья стоцветная роскошь ему,
Если он лебединой не может найти красоты?

Пусть живым серебром у него затрепещет душа,
Ради прихоти женской он примет обет нищеты.

На красавицу встречную он не посмотрит, —
пускай
У подруги его — ни единой прекрасной черты.

В дни разлуки влюбленный к седьмым небесам
воззовет,
Даже если они для него безнадежно пусты.

Из объятий скользнув, обратится к рассудку она,—
Он вздохнет и покорно свои остановит мечты.

Розу будет искать и метаться среди множества роз
Умирая под бременем этой безумной тщеты.

Но зато — как застонет счастливое сердце, когда
На призывы стократные перн слетит с высоты!

Что за речи, Фраги? Что за песня? Ведь ты не
влюблен!
А слышал ли о жертвах Медждуна влюбленного
ты?..

ПОДРУГА

Что пред яркой твоей красотой все цветы
гюлистана?
Пред бровями твоими — изогнутый лук Исфагана?
Что пред медом твоим — мед луны и дыханье
рейхана?
Нет столь розовых губ, нет на свете подобного
стана;

Я не знаю прекрасней, не знаю опасней тирана.

Истомила меня, непрозрачный покров надевая;
Даже тени твоей не нашел я в обителях рая.
Заблудился я в пламени, — только и вижу, сгорая
Расплетенные волосы: ходит волна смоляная;
В Нил я брошусь, в Кульзум — я, пловец твоего
океана.

Свод небесный рука твоя нежная остановила;
Опочила на косах твоих чудотворная сила;
Исцелила недужного, мертвого ты воскресила;
Раем ад обернулся, дворцом обернулась могила.
Справедливсей тебя нет на свете ни шаха, ни хана.

Ты подруг собираешь, беседы твои нелукавы.
Нет границ на земле для твоей несмолкающей
славы.

Если рок ополчается против прекрасной державы
Ты ее защитишь. Выходи, мой султан величавый,
Выходи! Во вселенной нет больше такого султана.

Копит черную злобу недоля моя на престоле,
Молвит слово дурное. Отравлены стрелы недоли.
Хитрый ловчий стреляет, — и кровью окрашено
поле.

Я встаю во весь рост, задыхаясь от страсти и боли.
О, мои времена! О, носители зла и обмана!

Пой, Фраги! Веселись! Жизнь тебе возвращает
подруга.

Смело бой начиная, победителем выйдешь из
круга,

И останется пояс твой крепкий завязанным туго.
Захотите послушать — народу почет и услуга,
Речи есть у меня — благодатней луча средь
тумана...

ПОКЛОНЕНИЕ

Пламя слова, напев случайный,
Кровь живая — перед тобой.
Я погибну, жгучие тайны,
Открывая перед тобой.

Рай земной — бесплодное древо,
Но и в день господнего гнева
Лик твой светлый прославлю, дева,
Догорая перед тобой.

В бесконечной смене явлений
Гибнет лучший цвет поколений
И становится на колени
Житель рая перед тобой.

Грозен мир, беспутный и дикий;
Стих мой тонет в шуме и крике...
Как слуга, Сулейман великий,
Пал, рыдая, перед тобой.

Царь свое покидает царство,
Рвется раб из цепей коварства,
Ждет Лукман твоего лекарства,
Умирая перед тобой.

Горы — кладбище отчей славы —
Покрывает туман кровавый...
Я забыл их, чашу отравы
Осушая перед тобой.

Бренный мир обманул Рустема,
Сердце гордого Зала — немо.
Встали мертвые; сон эдема
Прерывая перед тобой.

Мир бежит покоя и мира,
Пал Мары — повелитель мира.
Речь Фраги умолкает сирю —
Огневая — перед тобой.

РАНЕНЫЙ

Веселье мне было отмерено скупо,
Мне сердце обиды и беды сожгли;
Дрожит мое тело, как тело Эюпа;
Я ранен, а вы мне помочь не пришли.

Прохладный шелк твоих одежд
На благодатный луг походит.

В моих садах цветет шафран;
Пал на глаза густой туман;
Пустыней стал мой океан,
Мир на жилье разлук походит.

Я видел сам: ты мимо шла,
Всех пери зависть обожгла;
Твой взор — каленая стрела,
Грудь — на жестокий лук походит.

И сердце льнет к твоей судьбе;
Язык мой в страхе и мольбе,
Мой разум, рвущийся к тебе,
На паруса фелук походит.

Мне красота твоя — палач.
Лица, красавица, не прячь!
Скажи мне: «На свирель твой плач,
Твой стон, твой зов, мой друг, походит».

Ты — лебедь трепетных зыбей,
Ты — счастье родины своей,
Ты — майя сказочных степей.
На пытку мой недуг походит.

Ступила ты на мой порог,
Мы обманули злобный рок;
Завистник мир на сто тревог —
Нас обступивших вдруг — походит.

Несчастье он пророчит нам,
Я душу за тебя отдам, —
Твой дом похож на божий храм,
Мой дом на лавку мук походит.

Как месяц в сумрачной дали,
Мне светит красота Менгли.
Безумцем стал Махтумкули.
На слезы песни звук походит.

ХВАЛА

Розы прекрасней тебя меж цветов гюлистана нет.
Косы твои, как рейхан, но такого рейхана нет.
Речи, подобной твоей, на страницах корана нет.
Перлов, как зубы твои, в глубине океана нет.
Выше престола, чем твой, во дворце Сулеймана

нет.

Родинок слаще твоих у цариц Хиндостана нет.
Месяца ярче тебя в небесах Румистана нет.
Рядом с тобой — Чин-Мачина и Афганистана нет.
Роза эдемская рядом с тобой не румяна, нет!
Рядом с твоими кораллами пламя не рдяно, нет!
Луков, как брови твои, в мастерских Исфагана

нет.

Лалов, подобных твоим, в подземельях султана

нет.

В мире тебя справедливей ни шаха, ни хана нет.

Дышишь прохладным туманом — блаженной

тумана нет.

Яства прикажешь подать — у царя дастархана

нет.

В слове твоём, как в алмазе бесценном, изъяна

нет.

Сила твоя — как дурман, и пьянее дурмана нет.

Смотришь на рану без жалости: «Это не рана,

нет!»

Рдеют гранаты твои — для тебя урагана нет.

Даже у пери небесных подобного стана нет.

Косы... такого струенья у волн Зеравшана нет.
Жалят ресницы твои: изобильней колчана нет.
Гибну в капкане тугом: совершенней капкана нет.
Вот — я сожжен, как бурьян, даже пепла бурьяна
нет.

Духом я был великан, а теперь великана нет.
Гору в бархан превратила, а вот и бархана нет.
Рядом с тобою вино молодое не пьяно, нет!
Мертвым ни сна, ни покоя в приюте субхана нет.
Ранены души: острее твоего ятагана нет.
Чтобы тебя полонить — силы нет и аркана нет.
Где мне защиту найти? Судьи скажут: обмана нет.
Слов твоих сладостней — меда у пчел Дехистана
нет.

Вот — я мертвец. Почему надо мною кургана нет?
Краше тебя ни у господ, ни у шайтана нет.
Амбры, подобной твоей, у тычинок тимьяна нет.
Я бы лекарство купил — у меня и кармана нет.
Осень настала дождливая, летнего стана нет.
Горе мое — как хазан; ветра, злее хазана, нет.
Стражду, Лукмана зову. Что мне делать? Лукмана
нет.

Ты заалела — и розы Булгара, и розы Ирана нет.
Я разорился: ни торжища, ни каравана нет.
С милой весна не сравнится, ни луг, ни поляна,
нет.

Сколько ни пел ты, Фраги, а такого дестана нет.

ДЖИГИТ

Вырастет — праздным бездельником станет
С детства ленивый и сонный джигит,
Счастья к себе ни за что не приманит
Голодом злым изнуренный джигит.

Мудрый совет не исправит дурного,
Доброму хватит единого слова;
И, спотыкнувшись, оступится снова
Новых чарыков лишенный джигит.

Саблею машет иной горделиво —
Конь так и пляшет под ним черногривый.
Но убежит с поля битвы трусливо
Доблестью не одаренный джигит.

Может глупец разболтать что угодно.
Перья вороны для стрел не пригодны.
Разве себя поведет благородно
Ветренностью зараженный джигит?

...Кровнику ты не оплачивай кровью,
Хлеб ему дай, пусть поест на здоровье,
Ласкою будет согрет и любовью.
Гость твой — нуждой отягченный джигит.

Вдовый горбунью прекрасной считает,
Золото медью бесстрастный считает,
Ангела ведьмой ужасной считает
По пустякам обозленный джигит.

Станет богатство змеей плотоядной,
Кровь она будет сосать беспощадно,
Если закята не выплатит жадный,
Низкой наживой прельщенный джигит.

Знайτε, Фраги только истину пишет,
Люди дурные неправдою дышат —
Праведных слов никогда не услышит
Богом самим обойденный джигит.

БУДЕТ ПЛАКАТЬ ДЕРЕВО

Зарыдает дерево сухое,
Весть услышав о беде моей,
Затаит страдание глухое,
Кто узнает только раз о ней.

Сам Карун раздаст свое именье,
Человек умрет без сожаленья,
Солнце потемнеет от волненья
И не будет ярких лучей.

В уголке глухом я буду, пленный,
Помнить о красе твоей нетленной,
И тогда найду я клад бесценный
Даже меж развалин, средь камней.

Пусть невежда в душу мне заглянет —
Все поймет, что перед ним предстанет.
Наглядевшись, умудренным станет.
Будет всех умнее и храбрей.

«Зира» и «забара» кто не знает —
Пусть меня на помощь призывает.
Кто «алиф» от «би» не отличает —
Вмиг прочтет коран, все пять частей.

Бесполезно царь Джемшид трудился —
Накопив казну, он с ней простился;
Зал сражался — но чего добился?
Был Лукман не вечен, чудодей.

Я, Фраги, томим любовной жадой,
Разум свой терял я не однажды.
Лишь найти его — и сможет каждый
В небо полететь стрелы резвей.

Гор, Махтумкули, стихом не сдвинуть,
Лишние слова пора отринуть,
А когда придется мир покинуть, —
Бог спасет. Ты только ждать умеи.

С ОСЕНИ ТЕБЯ Я ЖДУ

Судьба тебя мне не дала, хоть с осени тебя я жду,
Сказала ты — зима пройдет, весною я тебя
найду...

Средь многих девушек тебя я выбрал, как
цветок в саду,
Я оробел, и не посмел обнять тебя, мою звезду,
Спросить, когда же мы начнем годов счастливых
череду?

Любимая! Когда бы знать, что помнишь ты, что
веришь ты,
Сто раз на дню передо мной твои прекрасные
черты.
Я, бедный раб, томлюсь, горю в костре бессмертной
красоты;
Пусть бог с дороги уберет врага, чьи мысли
нечисты, —
Прости меня, коль от обид я все ж тебя не уведу.

Пред богом речь моя — ничто. Бедняг подобных
в мире нет,
Владыки мной пренебрегли, я пленник
бесконечных бед,
И сердце ранено мое, но злой стрелы не виден
след,
И ты бедна, и я бедняк, на нашей радости —
запрет,
На горе разлучил нас бог, послав нам лютую
нужду.

Войти бы в утренний твой сад, петь,
превратившись в соловья,
Пока соперник не узнал, тебя прижал бы к сердцу
я,
Таких лодыжек тонких нет у горлицы, любовь моя,
Любуюсь станом я твоим, в груди дыханье
затая,—
Пусть бог убережет тебя, пусть ты не попадешь в
беду.

Враг видит счастье от тебя, а друг навек лишен
улад,
И тяжелей Балканских гор печаль души моей
в сто крат;
Нет в мире счастья без тебя, я больше ничему
не рад.
Так говорит Махтумкули: обет твой ложен, лжив
твой взгляд,
Ты неверна, и в сети я теперь твои не попаду.

НАИДЯ

Коня, ездок, не загони в степи безводной и сухой.
Но смело, всадник мой, скачи, дорогу торную найдя.
Добро творящий избежит хуленья и молвы глухой,
Живи с людьми и для людей, цель благородную
найдя.

Косноязычен, поглядишь, иной прославленный
джигит,
Другой искусно говорит, хотя и неказист на вид.
А третий, от друзей отстав, в седле едва-едва сидит.
Сам виноват он — не коня, подобье черное найдя.

Любовь, как вздох, как трепет ветерка,
Едва коснувшись — снова далека.
И все острее, и все светлей тоска,
О прошлом счастье мне скорбеть пришлось.

Как маленькое солнце твой зрачок,
Костер любви огнем меня обжег,
Я счастлив тем, что я любовь сберег,
Что мне ее запечатлеть пришлось.

Тебе вручен неоценимый дар.
Будь с хрупкой вазой бережным, гончар,
К ней тянет руки грубые базар,
Венцом любви тебе владеть пришлось.

Отравленного выпил я вина.
И только ты ценить меня вольна.
Я крепость строил — рухнула стена.
В свою же мне попасться сеть пришлось.

Махтумкули, по воле волн, плыви,
Нет берегов, страдалец, у любви,
Друзей на помощь больше не зови,
Рабом любви мне умереть пришлось.

НЫНЕ

Мотыльком метнулся в пламя, одержимым стал
я ныне,
На жаровне страсти тлея, пеплом, дымом стал
я ныне,
Плачем исхожу, для горя уязвимым стал я ныне.
Путь открыт — идите, грабьте, — недвижимым
стал я ныне.
От друзей бежал я, чуждым, нетерпимым стал
я ныне.

КРАСАВИЦА

Только солнце ниспошлет на поля лучи-клинки,
Их встречаешь как луна свысока, красавица.
Исфаганский лук тугой, что так ценят знатоки,
Плат сенджабский ты, чья ткань так легка,
красавица.

Трудно кончики шнурков вокруг косы твоей
стянуть,
Трудно дом твой обойти, раз к нему приводит
путь.

Знай, твой рот — родник Земзем, может к жизни
он вернуть,
Ты же — влага из того родника, красавица.

Красный, белый, алый цвет — все красавице
идет.
В Индостане — сахар ты, в Булгаре — душистый
мед.

Знай, Юсупу с Зюлейхой ты ровня, твердит
народ
Приоткрывшийся бутон ты цветка, красавица.

Покорила весь Китай и другие страны ты,
Всех поклонников с ума сводишь постоянно ты,
Ты индийский пестрый лес, трубка от кальяна ты,
Из сурайского она тростника, красавица.

Слабодушных ты всегда исцеляла, говорят,
В плен брала от велика и до мала, говорят.
«Дыня лучшая всегда — дань шакалу», — говорят,
Знай — удел счастливица ты бедняка, красавица.

Будь правдив, Махтумкули, и блаженство
обретешь.
Тот прикусит пусть язык, в чьих речах таится ложь.

Бог поможет бедняку, пусть его богатство — грош,
Избежать не сможешь все ж ты силка, красавица.

ЛЮБОВЬ МЕНЯ СОЖГЛА

Воспламенилась грудь моя, любовь меня сожгла.
Дым от меня метнула вверх и с тучами сплела.
Связал мне руки лютый рок, напав из-за угла,
Меня к колену прикрутил, не развязать узла.
Разлуки дождь полил, душа с потоком бед ушла.

Унесся черный тот поток, любви достиг чертога.
Мечты и думы вихрь унес, душа без них убога.
В краю блаженства я, бедняк, остался у порога,
Рассечь мне грудь мечом любви разлука ждет
предлога,
Меня ославить на весь мир молва стремится, зла.

Ах, не осталось ни души, ни силы в этом теле,
Я странником-бродягой стал, влачусь я еле-еле.
Здоров я, хвор, жив или мертв? Кто скажет, в
самом деле?

Судьба, чуть горести с небес к ногам моим слетели,
Меня за шиворот взяла и в воздух подняла.

И так бывало: подошла, напала и убила;
И тут же руку подала, чтоб вышел из могилы,
И негу, сжалившись, дарит и лаской наградила...
Горит душа моя в огне, молчать не стало силы,
Наружу рвется страсть, как пар из жаркого
котла.

Фраги, я сделался рабом, хоть был богаче бая,
Тысячеустым соловьем, на встречи уповая.
Страсть бросила меня в огонь — пришла пора
такая,

Сожгла, обуглила любовь — властительница злая,
Просеяла сквозь сито прах и ветру отдала.

НЕ СПИ!

Ты, названный божьим рабом,
С Аллахом считайся, не спи.
Мир этот исчезнет потом,
Скорей просыпайся, не спи!

Пусть жизни бездонна река,
Ты здесь не пробудешь века,
И юность твоя коротка,
Трудись же, старайся, не спи!

Нетленной вселенной народ,
Тебя не дождавшись, уйдет.
Готовься! От мелких забот
Скорей избавляйся, не спи!

Коль нужен тебе мой совет:
Пленен суетою сует,
За все понесешь ты ответ.
Будь смел, не скрывайся, не спи!

Пусть мира конец этот сон,
Крик детства и старости стон
Мгновенны в движенье времен,
Но ты не сдавайся, не спи!

Пусть ищешь почета себе,
Мирской отдаваясь борьбе,
К чужой равнодушен судьбе,
Греху не предайся, не спи!

Не меряй все блага грошом,
Что толку в богатстве большом,
Корыстным не стань торгашом.
Добром занимайся, не спи!

МНИТ

Мнит скворчонок себя соловьем,
Воробей себя соколом мнит.
И себя в заблужденье своем
Холм горою высокою мнит.

Данник лени и раб анаши,
Подкупая льстецов за гроши,
Никогда не имевший души,
«Я с душою глубокою» — мнит.

Всем известно, что уксус не мед,
Но за мед он себя выдает,
Садом стать, что годами цветет,
Хворостина убогая мнит.

Ничего не могу я понять:
Хилый дивом готовится стать.
А на скачках осел обогнать
Скакуна крутобокого мнит.

Удивляйся, Махтумкули:
Этих к мудрости тропы вели,
А глупец себя солью земли,
И не будучи около, мнит.

ДВЕ ЛУНЫ

Глаза отрады лишены.
Душа надежды лишена.
Но вот я вижу две луны:
Твой лик сияющий — луна.

Взглянув, меня не узнаешь.
Зачем-то горько слезы льешь,
Зачем-то, хмурясь, прочь идешь,
Застенчива и холодна.

Неиссякаем слез поток.
От слез ты слепнешь, мой цветок.
Пусть на устах твоих платок —
Владеет нами страсть одна.

И каждый день, и каждый миг
Тебя лишь славит мой язык.
И петь и плакать я привык,
Но речь влюбленного бедна.

Ты мне надежд не подаешь.
Твоей любви отточен нож.
Шутя ты кровь безумца льешь,
Тоска моя тебе смешна.

Друзьями в доме я забыт,
И птице ловчей путь открыт,
Любовь, как беркут, ум когтит,
И власть ее когтей страшна.

Махтумкули ослеп от слез,
В любви своей, как водонос.
Он воду пролил, не донес.
И жизни даль темным темна.

КОММЕНТАРИИ

Адыл-шах — дословно «Царь справедливый», эпитет идеального правителя.

Азра (Узра) — героиня дастана «Вамык и Узра» поэта XI века Унсури.

Анаша — наркотик (индийская конопля), употребляемый для курения.

Атрек — название реки и района в Западной Туркмении.

Ахал — местность в районе Ашхабада.

Вамык — герой дастана «Вамык и Узра» поэта Унсури; образ несчастного влюбленного.

Гоклем (геклен) — одно из туркменских племен. Из этого племени вышел Махтумкули.

Гюлистан (гулистан) — буквально — цветник, розовый сад; символ цветущей страны.

Джейхун — старое арабское название Амударьи.

Джемшид — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Дестан (дастан) — поэтическое сказание, романтическая поэма.

Дехистан — («Дахистан») — дословно «Страна духов», область на юге Туркмении.

Зал — отец Рустама, героя поэмы Фирдоуси «Шахнамэ».

Закят (зекят) — налог в пользу духовенства.

- Зеравшан (Зарафшан)— река в Узбекистане.
- Зир и забар — дискритические, различительные значки арабского алфавита.
- Земзем — название колодца в Мекке, воду которого верующие считают святой, обладающей чудотворной силой.
- Зюлейка (Зулейха)— героиня дастанов многих восточных поэтов.
- Израфил — персонаж мусульманских преданий.
- Искандер (Искендер) — Александр Македонский (356—322 гг. до н. э.)
- Исфаган — город в Иране, в позднее средневековье был столицей.
- Кааба — мусульманская святыня в Мекке.
- Карун (библ. Корей)— по мусульманским преданиям богач, обладающий несметными сокровищами. За скупость был проклят и поглощен землей со всем богатством.
- Кенган (Ханаан)— местность в Палестине.
- Коран — священное писание мусульман.
- Кульзум — название Красного моря в старой туркменской литературе.
- «Кулхувалла» — начальные слова первого стиха корана; дословно: «Это сказал Аллах...»
- Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь оканчивалась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.
- Лукман — легендарный врач и мудрец, якобы проживший 4400 лет благодаря лекарственным травам, которые ему удалось открыть.
- Мары (Мерв)— город в Туркменистане, был столицей султана Санджара (XI в.)
- Мекка — священный город для мусульман. У Махтумкули употребляется как ласкательный эпитет.

- Мюрид — последователь какого-либо духовного наставника.
- Намаз — мусульманская молитва.
- Рейхан — душистая трава базилик.
- Рустем (Рустам) — легендарный богатырь, чьи подвиги описаны в «Шахнамэ» Фирдоуси.
- Румистан (Рум) — Византия, общее название стран Запада.
- Сона — пестрая уточка; образ красавицы.
- Сулейман (библ. Соломон) — мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.
- Туран — название Средней Азии в старой литературе.
- Фархад и Ширин — герои популярных поэм Низами, Амир Хосрова и Навои.
- Хатам — легендарный богач, отличавшийся щедростью.
- Хинд — Индия.
- Чин-Мачин — старое название Китая и Индокитая.
- Юсуп (Юсуф, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.
- Якуб (библ. патриарх Иаков, отец Иосифа Прекрасного) — образ терпеливого отца-страдальца.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Несокрушимое.	
<i>Перевел</i> Н. Тихонов	3
Не ждут.	
<i>Перевел</i> М. Тарловский	4
Нужна.	5
Не знаю.	6
Милой.	6
Если.	
<i>Перевел</i> Г. Шенгели	8
Не угасай.	8
Нужно.	9
Различия.	10
Взор упал.	11
Есть ли?	12
Захочется	13
Клянусь	14
Любимая	14
Любовь	15
Недоумение	16
Приди	17
Расстался	18
Хочу	19
Уйдут	20
Прощание с медресе Ширгази.	
<i>Перевел</i> Т. Пеньковский	21
Горы в тумане.	
<i>Перевел</i> А. Тарковский	22
Желание.	23
Изгнанник	24
Лебеди.	25

Начало	27
Путь	27
Безвременье.	29
Возрасты.	31
Ложный друг.	32
Молва	33
Наставление	34
Раздумье.	37
Природа.	
1. Семь цветов мира	39
2. Сад	43
Влюбленный	45
Влюбленный скиталец	46
Глаза Менгли.	48
Ожидание Менгли.	49
Смущение Менгли.	50
Жребий.	51
Луна.	52
Одержимый любовью.	53
Подруга	54
Поклонение.	55
Раненый.	56
Садовник.	57
Слава Меджнуна,	58
Тревога.	58
Хвала.	60
Джигит.	
<i>Перевел</i> А. Старостин.	61
Будет плакать дерево.	63
С осени тебя я жду.	64
Найдя.	
<i>Перевела</i> Т. Стрешнева.	65
Пришлось.	66
Ныне.	
<i>Перевела</i> Т. Спендиарова.	67
Красавица.	69
Любовь меня сожгла.	70
Не спи!	
<i>Перевел</i> А. Кронгауз.	71
Мнит.	
<i>Перевел</i> Ю. Гордиенко.	72
Две луны.	72
Комментарии.	74

مخدوم قلی
این کتاب شامل کلچن از اشعار
عغانی شاعر کلاسیک ترکمن در قرن هجدهم مخدوم قلی میباشند
تدوین کننده - داورنده جایزه فردو پرسور شاد اسلام شامریف
مترجمان - نیکلای تخونوف ، لف پیاوفسکی ، داموگراستاری
روداکتور - بوریس زورین

تاشکند - ۱۹۷۷

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

МАХТУМКУЛИ

Избранная лирика

Издательство ЦК КП Узбекистана

Ташкент — 1977

Техредактор Г. Ломиворотова

Корректор Ш. Буранбаева

Сдано в набор 28/II 1977 г. Подписано в печать 31/VII 1977 г. Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 2,92. Уч.-изд. л. 3,24. Тираж 200000. Заказ № 479. Изд. № 221: Цена на типографской бумаге № 1 — 80 коп., на мелованной — 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана. Ташкент,
ул. «Правды Востока», 26.